

Атабиева Л.Х.
Кабардино-Балкарский государственный университет
им. Х.М. Бербекова
г. Нальчик
E-mail: atabievalyba@mail.ru

КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИЕ ПАРЕМИИ КАК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Аннотация. В данной статье лингвистическому анализу подвергаются пословицы и поговорки. Проведен краткий анализ научно-теоретических работ, посвященных их изучению. Выявлены слова, которые не вошли в имеющиеся словари карачаево-балкарского языка, но функционирующие в составе паремий. Уточнены значения некоторых словарных единиц. Определена необходимость включения в лексикографические источники вариантных языковых единиц. Приведены опытные образцы словарных статей, необходимых для включения в последующие лексикографические работы.

Ключевые слова: карачаево-балкарский язык, устное народное творчество, паремии, лексикография, словарная единица, имя, глагол.

Atabieva L.Kh.
Kabardino-Balkarian State University named after H.M Berbekov
Nalchik
E-mail: atabievalyba@mail.ru

KARACHAY-BALKAR OF PAREMII AS LEXICOGRAPHIC SOURCE

Abstract. In this article zroverbs and sayings are subjected to linguistic analysis. A brief analysis of scientific and theoretical works devoted to their study is undertaken. The words that are not included in the existing dictionaries of the Karachay-Balkar language, but functioning as part of paremies are revealed. The meanings of some lexical units are clarified and the necessity of including variant language units into lexicographical sources is determined. Experimental samples of dictionary entries necessary for inclusion in the subsequent lexicographical works are given.

Key words: Karachay-Balkar language, oral folk art, paremia, lexicography, dictionary unit, name, verb.

Специалистами в области карачаево-балкарской филологии проделана большая работа по сбору и систематизации пословиц и поговорок, в результате чего накоплено большое количество паремических высказываний, вошедших в различные литературно-художественные издания. При этом они обычно

подразделяются на определенные концептуальные тематические группы, т.е. пословицы об уме и глупости, храбрости и трусости, хорошем и плохом, труде и безделье, богатстве и бедности, семье, дружбе, судьбе и т.д., что можно заметить, например, в сборнике пословиц и поговорок, подготовленном Х.Ч. Джуртубаевым [10]. Вместе с тем следует отметить тот факт, что карачаево-балкарскими специалистами не уделяется должного внимания научно-теоретическому осмыслению паремий с точки зрения современной фольклористики. Иначе говоря, до сих пор отсутствуют монографические исследования, посвященные карачаево-балкарским пословицам и поговоркам, в которых нашли бы отражение поэтика и типология паремий. Лишь литературоведы обращают внимание на фольклор, в том числе и на паремии, «в недрах которого заложены основы практически всех жанровых форм литературы» [15, с. 238].

В некоторых статьях [17] и монографиях [3] языковедов-синтаксистов имеет место удачная попытка подвергнуть паремические высказывания скрупулезному анализу. В частности, ими рассматривается такой релевантный для синтаксиса вопрос, как грамматическое и структурно-семантическое членение пословиц и поговорок. При этом рассматриваются паремические высказывания как со структурой простого предложения (глагольные и именные конструкции), так и со структурой сложного предложения (сложносочиненные и сложноподчиненные конструкции).

Паремии изучаются и в связи с различными грамматическими универсалиями, к которым, например, относится компаратив [4]. Выявляя и описывая структурно-грамматические характеристики карачаево-балкарских компаративных паремических высказываний, языковеды приходят к вполне правомерному выводу о том, что такого рода синтаксические конструкции строятся с учетом познания представителями этноса окружающей действительности на основе сравнения составляющих ее элементов.

Паремии к анализу привлекаются и в сопоставительных исследованиях. Об этом, например, свидетельствует работа Ф.Н. Гукетловой и М.Б. Кетенчиева, посвященная зоолексеме «лошадь» и ее концептосфере в разноструктурных языках. Последовательно рассматривая данную зоолексему во французском, кабардино-черкесском, карачаево-балкарском и русском языках, они устанавливают целый ряд стереотипных представлений носителей этих языков относительно лошади и констатируют то, что в паремиях через зоолексему «лошадь» репрезентируются следующие характеристики лица: непокорность, нищета, опыт, дружба, социальное положение, мужество, никчемность, тактичность и т.д. [8].

Как известно, современная парадигма лингвистики предполагает изучение когнитивных признаков различных концептов. Карачаево-балкарские паремии также стали объектом исследования в данном аспекте, что можно заметить в научных статьях С.К. Башиевой и М.Б. Кетенчиева по теории языка. Ими для концепта «огонь» выделяются некоторые когнитивные характеристики (жизненная необходимость; опасность, не подвластная никому и др.), трансляторами которых выступают следующие пословицы и поговорки: *Оту жокъну кюню жокъ* досл.: «Не имеющий огня света белого не видит»; *От бла ойнасанг – кюерсе* досл.: «Будешь играть с огнем – сгоришь» и т.п. [6, с. 40]. Пословицы и поговорки способствуют обнаружению такого рода характеристик относительно и других концептов. Так, «согласно карачаево-балкарской наивной картине мира кровь является источником жизни, генератором жизненной энергии, на что указывают паремии, в которых эксплицируется корреляция крови и души» [5, с. 40]. В пользу этого свидетельствуют пословицы типа *Къаны джокъну джаны джокъ* «Кто не имеет крови, тот не имеет и душу». Привлечение к анализу паремий разных этносов дает возможность представить этнокультурную информацию как основной источник «осмысления определенного фрагмента наивной картины мира [7, с. 182].

Пословицы и поговорки дают богатый материал и для этнографической лексики, что можно увидеть в специальных лингвистических исследованиях [2]. Этнографизмы, например, сопряжены с карачаево-балкарской свадьбой, отмеченными ритуалами, сопровождающимися произношением различных пословиц и поговорок. Без них не обходятся и сваты, которые «должны были быть людьми уважаемыми, знающими все тонкости этикета, общительными, красноречивыми» [9, с. 182]. Свата ярко характеризует следующая пословица: *Келечи къаты болса, кели башы эрге барыр* «Если сват настойчив будет, то и крышка ступы замуж пойдет».

Рассматриваемые в данной работе языковые единицы, облеченные в форму паремий, имеют непревзойденное значение для лексикографической практики, поскольку пословичный фонд карачаево-балкарского языка способствовал и способствует пополнению лексики, наличествующей в словарях. Несмотря на то, что при составлении словника Толкового словаря карачаево-балкарского языка, было обработано свыше одного миллиона карточек с иллюстративным материалом, в само это издание не вошло еще много лексических единиц, в том числе и тех, которые содержатся в составе паремических высказываний. Правда, справедливости ради следует отметить, что в нем достаточно много пословиц, которые представляют собой иллюстрации к той или иной словарной единице. В этом отношении более выигрышно выглядит «Карачаево-балкарско-русский словарь» [11].

Обратимся к некоторым словам, наличествующим в пословицах, но отсутствующим в Толковом словаре карачаево-балкарского языка.

Агъач. Данная лексема зафиксирована отмеченным выше словарем следующим образом:

АГЪАЧ I ат 1. Лес (деревья). Терекле кѣп ёсген жер. *Не кюйсюз жел урса да, Жер къалмайды агъачсыз, Дунияда бир инсан да Жашамайды къууанчсыз.* Къулийланы Къ. Юйюнге игилик, 131.

2. В позиции определения: лесной / Агъачны ичиндеги. Тебиредиле терс жолгъа. Жетдиле агъач къолгъа, Кече анда къалдыла, Эрттенде атландыла. Отарланы С. Назмула бла поэмала, 105 [12, с. 45].

АГЪАЧ II къауум. ат 1. Древесина (лесоматериалы) / Юй неда башха затла ишлер ючюн терекледен кесилип этилген зат. *Агъачны насыпсызы тирменнге къакъгъыч болур* (Нарт сёз).

2. В позиции определения: древесный; деревянный / Агъачдан этилген. *Агъач кёмюр. Агъач спирт. Агъач кёнюр* [12, с. 46].

АГЪАЧ III ат. Качество, достоинство; сорт / затны болургъа кереклисине тийишлилиги, аны игилиги-аманлыгъы. *Учузну агъачы осал болур* (Нарт сёз) [12, с. 47].

АГЪАЧ I ат. Стан, фигура, форма тела / Адамны неда малны санларыны уллулугъу. *Аслан, къызыны чырайлылыгъын, ариу агъачын бек жаратды.* Гадийланы И., Санга айтама, 62 [12, с. 47].

Как видим, представленная лексема дефинируется, с одной стороны, как омоним, с другой – отмечается ее полисемантичесность. Однако, на наш взгляд, в словаре упущено первое (основное) значение этого слова – «дерево». Наличие этой семантики у рассматриваемого слова подтверждается следующими паремиями: *Тюз агъач тюзде къалмаз* «Ровное дерево на равнине не останется»; *Агъачны башы кесилсе, туюбу къалыр* «Если срежется верх дерева, то останется его низ (пень)». Кроме того, можно привести названия некоторых деревьев, представляющих собой сложные имена существительные, вторые конститuentы которых передаются лексемой *агъач* в значении «дерево»: *бёрюагъач* букв. «волк-дерево», *кёгагъач* букв. «серое дерево», *эчкиагъач* букв. «коза-дерево». Конечно же, в словаре для этого слова необходима помета *эск.* «уст.», поскольку данное значение слова устарело, а оно в свою очередь передается словом *терек*.

Гула. Эта лексема толкованию подвергается следующим образом:

ГУЛА *сыф.* Тупоумный (человек) / Тели, ангылаусуз, сылхыр. *Аны (кишини) кьоркьгъанын а гула эмеген эслемеди.* «Малкьар халкь жомакьла», II, 169 [12, с. 616-617].

В представленной дефиниции не учитывается то, что указанным качеством носитель языка наделяет не только человека, но и животное (обычно овцу). Отмеченное широко употребительно в разговорном языке и подтверждается материалом паремий: *Гула кьой артда (артдан) юркюр* «Глупая овца позже шарахается». К тому же данная пословица наличествует в самом словаре как иллюстрация для глагола *юрк-* «пугаться, шарахаться (об овцах и т.п.)» [14, с. 1146].

Как и в других тюркских языках, в карачаево-балкарском языке значительным функционально-семантическим потенциалом отмечены сложные лексемы адъективного характера, образованные по модели «имя прилагательное + имя существительное»: *кенгбет* «широколицый», *кенгбучхакь* «с широкими низками (о брюках)», *кенгбыдыр* «1. пузатый; 2. низкий и широкий, с выдающимися боками (о посуде)» [13, с. 195] и т.п. Но в имеющихся лексикографических источниках отсутствует достаточно хорошо известная носителю языка адъективная лексема отмеченной выше модели *кенгтамакь* «горластый», которая встречается и в составе паремий: *Кенгешледе – кенгтамакь, акьылы-эси – оймакь* «На советах горластый, а ума с наперсток». В эту группу слов в словообразовательном плане входит и прилагательное *кьысхааякь* букв. «коротконогий», которое также не зафиксировано в словарях карачаево-балкарского языка: *Жаш келинчик – кьысхааякь* «Молодая невеста шустрая (букв. коротконогая)».

Ср. пословицы: *Ньетден – кьылыкь, кьылыкьдан – ылыкь* «От мысли – проступок, от проступка – стыд»; *Кьылыгъы аманны ылыгъы да аман* «У кого нрав плохой, у того и совесть плохая». В данных паремиях нас интересует слово *ылыкь*, которое в Толковом словаре карачаево-балкарского языка отмечено как *карачаизм* в форме *ыйлыкь* «стыд, совесть» [15, с. 1018]. Тогда

обе эти лексемы имеют право на словарную дефиницию, первая же должна иметь помету *балкаризм*.

В карачаево-балкарских пословицах и поговорках встречаются и варианты других лексем: *элемен – элмен* «влиятельный (авторитетный) человек, персона, особа», *талчыкъ – талыкъ* «устать, утомиться» и др. Толковым словарем зафиксированы первые слова из этих пар, а их варианты обойдены вниманием. Приведем пословицы, в которых наличествуют указанные слова: *Эл бузулуп башласа, эшекни элмен этер* «Когда село начнет портиться, ишака авторитетным сделает»; *Къазанны къуруму жагъылыр, аманны къайгъысы талыгъыр* «От казана сажа пристанет, у плохого заботы утомятся».

В среде карачаевцев и балкарцев широкое распространение получило мужское имя *Олий*. Однако в целом ряде паремий данная лексема функционирует в качестве нарицательного имени существительного: *Олий къалкъыучу болса, эл жукъучу болур* «Если олий любитель подремать, то народ становится сонным»; *Олий элден тамата, эл олийден тамата* «Олий выше народа, народ выше олия». Выявлению лексических значений подобного рода лексем помогают работы историков и этнографов. Так, специалистами в области истории карачаевцев и балкарцев рассматриваемая лексема интерпретируется как верховный правитель: «Военное управление, управление внешними связями и фискальной системой осуществлялось одной и той же категорией лиц – биями во главе с верховным правителем (олием)» [16, с. 173].

Рассмотрим пословицу *Акъыл ойсундурур, кюч бойсундурур* «Ум заставит думать, сила заставит подчиниться». Первая глагольная форма (*ойсундурур*) не зафиксировано в словарях карачаево-балкарского языка. Между тем в карачаево-балкарском языке достаточно много глаголов, образованных от различных имен и глаголов посредством морфемы *-сын* (*-син*, *-сун*, *-сюн*): *жазыкъсын* «жалеть, щадить кого», *аурукъсун* «приболеть, прихворнуть, почувствовать недомогание, занемочь». Это характерно и для других тюркских языков [1].

Теперь попробуем дать словарные статьи в качестве на некоторые лексические единицы, которые встречаются в составе пословиц и поговорок, но отсутствуют в лексикографических изданиях. При этом мы опираемся на опыт, который накоплен карачаево-балкарской лексикографией.

АЯКЪЧЫ *ат.* Подчиненный, слуга / Къуллугъуна кёре жумуш этген адам. *Башчы башчылыкъ этмесе, аякъчы аякъчылыкъ этмез* (Нарт сёз).

АЯКЪЧЫЛЫКЪ *ат.* Подчиненность, служение / Жумушчулукъ, жумуш этген болум. *Башчы башчылыкъ этмесе, аякъчы аякъчылыкъ этмез* (Нарт сёз).

БУСХАМ *ат* *эск. кь. даулаш*³. *Эфендиле кёп болсала, арада бусхам чыгъар* (Нарт сёз).

МИДИР *ат* *эск.* Примиритель, миротворец / Адамланы араларында къажаулукъну кетериучю, аланы бир бирлери бла жарашдырыучу. *Къанлыны сёзю – бичакъ, мидирни сёзю – минчакъ* (Нарт сёз). *Мидир келсе – сабырлыкъ келир, ишин этсе – мамырлыкъ келир* (Нарт сёз).

ОЙСУНДУР *эт. понуд.* от **ойсун** / **ойсун** деген этимни кысыгучу айырмасы. Акъыл ойсундурур, кюч бойсундурур (Нарт сёз).

ТИЙИШ³ *ат.* Попадание (о луке, ружье и т.д.) / Садакъны, ушкокну тюз/терс атханы. *Ушкогунгу кюмюшюн махтама да, тийишин махта* (Нарт сёз).

ЧОРА *ат* *эск.* Воин, богатырь / Аскерчи, батыр. *Эл чорасыз, эр жарасыз болмаз* (Нарт сёз).

Проанализированный выше иллюстративный материал подобран путем сплошной выборки только из одного сборника карачаево-балкарских пословиц и поговорок [10] и свидетельствует в пользу того, что необходимо сравнить данные толкового словаря карачаево-балкарского языка и других сборников паремий. Это даст возможность выявить весь корпус лексем, не вошедших в словари, с другой стороны, поможет уточнить значения целого ряда словарных единиц и учесть при публикации дополнений к имеющимся лексикографическим изданиям. Такого рода работа позволит осветить ряд

вопросов, связанных с генезисом карачаево-балкарского языка, реанимировать слова, которые на сегодняшний день вышли из обихода. Кроме того, в связи с изменением парадигмы лингвистической науки важным представляется комплексный, полиаспектный анализ пословиц и поговорок в целом с применением методов междисциплинарных исследований в гуманитарной сфере.

Библиография

1. Абдуллина Г.Р. Формообразовательные и словоизменительные категории в современном башкирском языке (функционально-семантический аспект). – Уфа: РИЦ БашГУ, 2013. – 332 с.
2. Аппоев А.К. Этнографическая лексика карачаево-балкарского языка: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Нальчик, 2003 – 23 с.
3. Аппоев Ас.К., Аппоев Ал.К. Карачаево-балкарские паремии: структура и семантика. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2012. – 130 с.
4. Аппоев А.К., Кетенчиев М.Б. Структурно-семантические особенности карачаево-балкарских компаративных паремиологических высказываний // Актуальные проблемы общей и адыгской филологии. Материалы VI международной научной конференции. – Майкоп: Адыгейский государственный университет, 2008. – С. 178-179.
5. Ахматова М.А., Кетенчиев М.Б. Семантическое пространство концепта «кьан/кровь» в карачаево-балкарском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – №6-2 (60). – С. 38-41.
6. Башиева С.К., Кетенчиев М.Б. Концепт «огонь» как фрагмент этнической картины мира // Cuadernos de Rusística Española. – 2014. – №10. – Р. 37-44.
7. Башиева С.К., Кетенчиев М.Б. Особенности вербальной репрезентации обыденных знаний о небесных телах // Cuadernos de Rusística Española. – 2017. – №13. – С. 181-194.
8. Гукетлова Ф.Н., Кетенчиев М.Б. Зоолексема «лошадь» и ее концептосфера в разноструктурных языках // Взаимодействие языка и культуры: проблемы лингвистики и литературоведения. – Тамбов: Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, 2014. – С. 50-76.
9. Девеева А.А., Додуева А.Т. Репрезентация лексики свадебного обряда в карачаево-балкарском языке // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2016. – №8. – С. 137-141.
10. Карачаево-балкарские пословицы и поговорки / Сост. Х.Ч. Джуртубаев. – Нальчик: Эльбрус, 2005. – 192 с.
11. Карачаево-балкарско-русский словарь / Под ред. Э.Р. Тенишева и Х.И. Суюнчева. – М.: Русский язык, 1989. – 832 с.
12. Толковый словарь карачаево-балкарского языка. В 3 т. Т. 1. А-Ж. – Нальчик: Эль-Фа, 1996. – 1016 с.
13. Толковый словарь карачаево-балкарского языка. В 3 т. Т. 2. З-Р. – Нальчик: Эль-Фа, 2002. – 1168 с.
14. Толковый словарь карачаево-балкарского языка. В 3 т. Т. 3. С-Я. – Нальчик: Эль-Фа, 2005. – 1157 с.

15. Узденова Ф.Т. Роль фольклора в становлении поэтической традиции у карачаевцев и балкарцев (к истокам жанра) // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2009. – №3. – С. 238-240.
16. Хатуев Р.Т. Карачай и Балкария во второй половине XIX в.: власть и общество // Карачаевцы и балкарцы (этнография, история, археология). – М., 1999. – С. 5-198.
17. Хуболов С.М. Синтаксические функции фразеологизмов карачаево-балкарского языка // Вопросы лексики, грамматики и семантики карачаево-балкарского языка. – Нальчик: Эль-Фа, 2002. – С. 39-47.

References

1. Abdullina G.R. Formoobrazovatelnyye i slovoizmenitelnyye kategorii v sovremennom bashkirskom yazyke (funktsionalno-semanticheskiy aspekt). – Ufa: RITs BashGU, 2013. – 332 s.
2. Appoev A.K. Etnograficheskaya leksika karachayevo-balkarskogo yazyka: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. – Nalchik, 2003 – 23 s.
3. Appoev As.K., Appoev Al.K. Karachaevo-balkarskie paremii: struktura i semantika. – Nalchik: Izdatelskiy otdel KBIGI, 2012. – 130 s.
4. Appoev A.K., Ketenchiev M.B. Strukturno-semanticheskie osobennosti karachaevo-balkarskih komparativnykh paremiologicheskikh vyiskazyvaniy // Aktualnyye problemy obschey i adyigskoy filologii. Materialy VI mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. – Maykop: Adyigeyskiy gosudarstvenniy universitet, 2008. – S. 178-179.
5. Ahmatova M.A., Ketenchiev M.B. Semanticheskoe prostranstvo kontsepta «kan/krov» v karachaevo-balkarskom yazyke // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2016. – №6-2 (60). – S. 38-41.
6. Bashieva S.K., Ketenchiev M.B. Kontsept «ogon» kak fragment etnicheskoy kartiny mira // Cuadernos de Rusistica Espanola. – 2014. – №10. – S. 37-44.
7. Bashieva S.K., Ketenchiev M.B. Osobennosti verbalnoy reprezentatsii obyidennykh znaniy o nebesnykh telakh // Cuadernos de Rusistica Espanola. – 2017. – №13. – S. 181-194.
8. Guketlova F.N., Ketenchiev M.B. Zooleksema «loshad» i ee kontseptosfera v raznostrukturnykh yazykakh // Vzaimodeystvie yazyka i kulturyi: problemy lingvistiki i literaturovedeniya. – Tambov: Tambovskiy gosudarstvenniy universitet im. G.R. Derzhavina, 2014. – S. 50-76.
9. Deveeva A.A., Dodueva A.T. Reprezentatsiya leksiki svadebnogo obryada v karachaevo-balkarskom yazyke // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. – 2016. – №8. – S. 137-141.
10. Karachaevo-balkarskie poslovitsyi i pogovorki / Sost. H.Ch. Dzhurtubaev. – Nalchik: Elbrus, 2005. – 192 s.
11. Karachaevo-balkarsko-russkiy slovar / Pod red. E.R. Tenisheva i H.I. Suyuncheva. – M.: Russkiy yazyk, 1989. – 832 s.
12. Tolkovyy slovar karachaevo-balkarskogo yazyka. V 3 t. T. 1. A-Zh. – Nalchik: El-Fa, 1996. – 1016 s.
13. Tolkovyy slovar karachaevo-balkarskogo yazyka. V 3 t. T. 2. Z-R. – Nalchik: El-Fa, 2002. – 1168 s.
14. Tolkovyy slovar karachaevo-balkarskogo yazyka. V 3 t. T. 3. S-Ya. – Nalchik: El-Fa, 2005. – 1157 s.

15. Uzdenova F.T. Rol folklora v stanovlenii poeticheskoy traditsii u karachayevtsev i balkartsev (k istokam zhanra) // Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. – 2009. – №3. – S. 238-240.
16. Hatuev R.T. Karachay i Balkariya vo vtoroy polovine XIX v.: vlast i obschestvo // Karachaevtsy i balkartsyi (etnografiya, istoriya, arheologiya). – M., 1999. – S. 5-198.
17. Khubolov S.M. Sintaksicheskiye funktsii frazeologizmov karachayevobalkarskogo yazyka // Voprosy leksiki, grammatiki i semantiki karachayevobalkarskogo yazyka. – Nalchik: El-Fa. 2002. – S. 39-47.